

Сергей Чув

Друзья и враги Димки Бобрикова

с 1933 г.

Сергей Владимирович Чуев
Друзья и враги
Димки Бобрикова
Серия «Сами разберёмся!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69164737

Друзья и враги Димки Бобрикова:

ISBN 978-5-08-007052-5

Аннотация

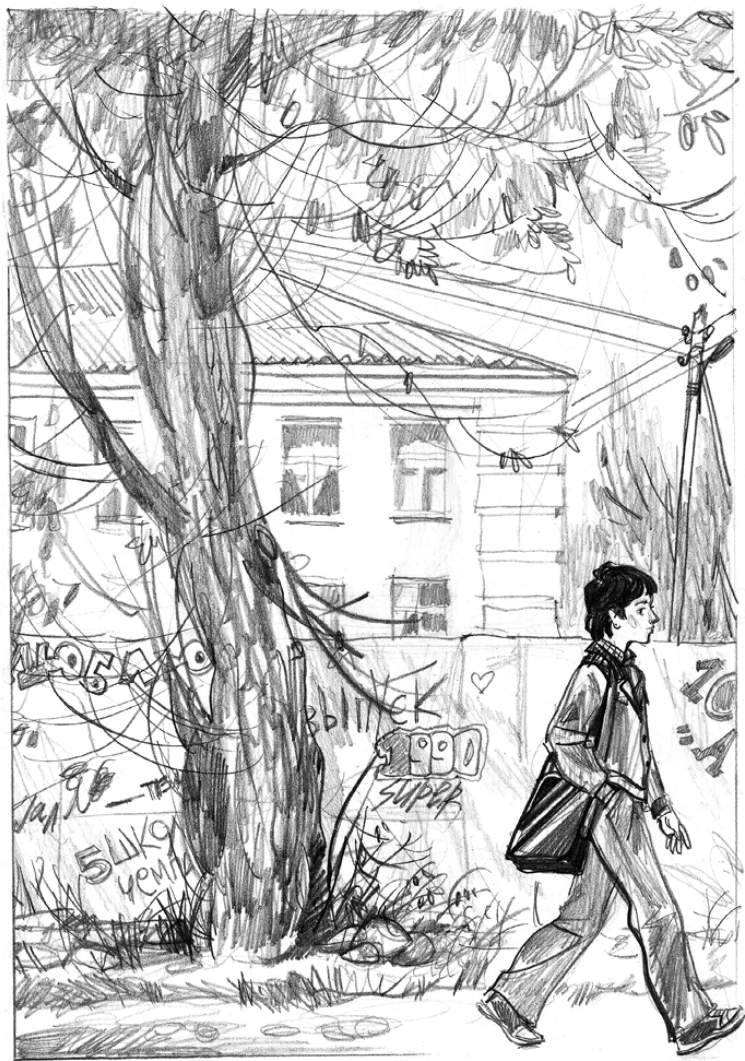
Новая книга Сергея Чуева – долгожданное продолжение бестселлера «Настоящее лето Димки Бобрикова» о верности и предательстве, друзьях и недругах. О том, что добро и дружба всегда побеждают зло. О последних днях в пионерской организации, любви и поиске подросткового счастья. Книга будет интересна как школьникам, так и ностальгирующим по ушедшему детству и стране взрослым.

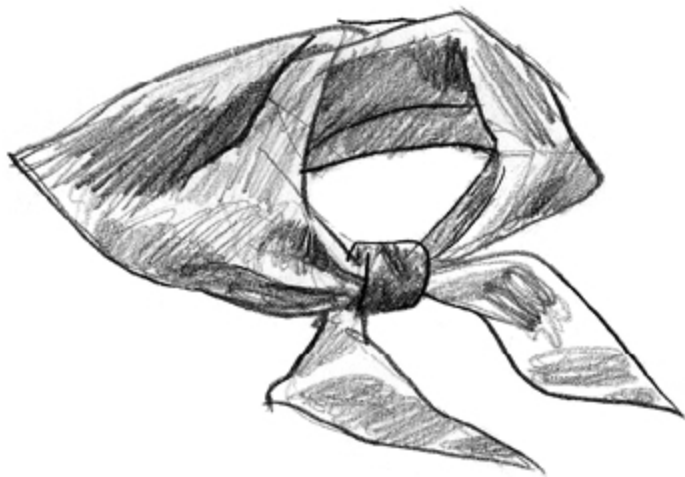
Для среднего школьного возраста.

Содержание

Предложение	7
Обычное утро необычного дня	19
Коллекционер Ярик	32
Жевательная резинка	39
Вовчик. Встреча в садике	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Чуев
Друзья и враги
Димки Бобрикова

© Чуев С. В., 2023

© Курбанова Н. М., иллюстрации, 2023

© Путилина Е. С., илл. на перепл., 2023

© Оформление серии. АО «Издательство
«Детская литература», 2023

Предложение

Август 1991 года

Летние каникулы предательски подходили к концу. Я вернулся из деревни от бабушки и деда в наш маленький южный город. В середине августа днем стояла жара, но вечерами уже потягивало свежестью, прибавлявшей волнения. Прохлада шептала о начале чего-то нового. В самом августовском воздухе витала мысль: так как раньше – уже не будет. Недаром когда-то на Руси первого сентября отмечали новогодние праздники. Ну а мы теперь празднуем начало школьных будней. Хотя... не уверен, что они убедительный повод для радости. Тем более что начинался учебный год для меня совсем необычно.

– Эй, Димка! – услышал я голос машущей мне руками пи-

онервожатой Ларисы. Она жила в четвертом подъезде нашей пятиэтажки. – Зайди завтра в школу. Надо поговорить.

У Ларисы было доброе сердце, а это так нечасто бывает. Она мне нравилась. Сейчас все больше людей и не добрых, и не злых. Никаких. Потому что доброта и злоба требуют времени, а большинству людей некогда и по фигу на все и на всех. И еще мне кажется, что добрым человеком быть сложнее, а злым проще. Наорать или грубость брякнуть – много ума не надо. А вот доброе дело сделать – не каждый умеет. Это же еще придумать или почувствовать надо.

Лариса часто наш пионерский актив на школьных переменах угощала домашними пирожками с яблоками и поила чаем. Хотя ничего подобного делать ее никто не принуждал. Она любила возиться с нами. Разговаривала, помогала, весело смеялась, но в ее глазах часто читалась какая-то таинственная грусть. Это очень русская черта – радоваться, но не до потери пульса и сознания, не забывая во время веселья что-то глубокое и загадочное. Этим же еще больше подкупала и Лариса.

В школу я пришел утром следующего дня. В пустых коридорах чувствовалось приближение учебного года и пахло краской. За лето деревянные полы приобрели новый оттенок – цвет запекшейся крови, словно намекавший нам – оценки даром раздавать не планируют, а спрашивать на уроках будут с таким же напором, с каким фашистские оккупанты выбивали секретные сведения у наших партизан во время вой-

ны. Короче, муки ждут и нас, учеников, и учителей.

Кабинет вожатой привлекал уютом, но что-то здесь изменилось. Не знаю почему, вроде бы все как обычно: на стене висели многочисленные грамоты и благодарности, треугольный вымпел на подвязке «Пионерам Дона от пионеров Ставрополя». В углу на столе развернута будущая стенгазета, традиционно появляющаяся к Первому сентября. Широкими мазками гуаши контуром прорисовано: «Школьный прожектор». Я заметил, что прежнее название сократилось и третье слово – «перестройки» – исчезло. Видимо, все запланированное перестроить уже перестроили.

В центре стены на булавках распяли знамя пионерской организации. Перед ним на деревянной подставке – большой куст в глиняном горшке. Голова Ленина на знамени, заключенная в пятиконечную, пылающую огнем звезду, выглядела из-за пушистых куц аспарагуса. Справа читалось: «ГОТОВ!» И я задумался о том, к чему может быть готов Ильич¹ в кустах, но от этих мыслей меня отвлекла хозяйка кабинета.

Кипел блестящий приплюснутый электрочайник, похожий на луноход. Лариса, не спрашивая меня ни о чем, разлила ароматную заварку в низкие кружки с продолговатыми красными плодами на боку и надписью «60 лет СССР», добавила кипятка и пододвинула тарелку с печеньем м.

– Краснодарский, – многозначительно произнесла она, –

¹ Ильич – отчество Владимира Ильича Ленина, первого главы Советского государства.

с ароматом лимона.

Я промычал в ответ. В чае с лимоном самое лучшее ведь не запах, а долька с остатками неразмешанного сахара. Ее можно засунуть в рот и съесть вместо десерта. Но сахара теперь в магазинах днем с огнем не сыскать, а лимоны продаются только на рынке у торгашей. Дефицит. Поэтому вместо настоящей цитрусовой дольки в чай предлагают только химический запах. Время, видать, такое – обманное. Наша бабушка так часто говорила.

– Димка, тут такое дело... – начала Лариса. – В пионерской дружине школы будут изменения. Юрий Никифоров оказался недостоин возглавлять нашу организацию.

Лариса грустно на меня посмотрела. Ее сообщение в моей голове вызвало полное непонимание: «Как это? Юрка? Кефир? Недостоин?» Он хорошо учился, активный был такой. Правда, мы с ним не очень дружили, но все же. Его отец, Геннадий Васильевич, у нас в школе раньше работал учителем истории. Жили они неподалеку в двухэтажках. Мама Юрки, круглобокая тетя Тоня, перед окнами их небольшой квартиры сажала цветы в палисаднике, поливала и из-за занавески сжигала взглядом всех, кто, проходя мимо, пытался сорвать головку ромашки или бархатцев. В крайних случаях цветочного вандализма слышался звук открывающегося окна. Обычно этого хватало, чтобы от уничтожителей красоты не оставалось и следа. Нагоняй получали даже девчонки, обрывавшие цветы с благородной целью – лепестки наклеивать

на ногти вместо маникюра.

Мне кажется, эта клумба принесла тете Тоне немало разочарований и горести. Из-за несчастных растений мать Юрки была постоянно на стрёме, вскакивала с дивана и подбегала к окну, чтобы испепелять. Поэтому нервная система ее совершенно расшаталась и оказалась уничтожена цветами и их любителями. А может, и еще чем-то.

Геннадий Васильевич в то время носил толстые роговые очки и неизменный затертый на локтях клетчатый пиджак. Он пользовался авторитетом и заведовал школьным музеем, где рассказывал о пионерах-героях. Геннадий Васильевич всегда был в центре внимания. Он притягивал взгляды как учительниц, так и старшеклассниц. Ему внимание нравилось, но дружил он в основном с молодой преподавательницей музыки Ириной Петровной Чеботарёвой. Та смотрела на Геннадия Васильевича глазами преданной собачки и млела от всего, произносимого историком. Они ходили вместе в столовую, где покупали ароматные булочки, потом шушукались в музее и пили чай после занятий. А мы, школьники, их, по понятным причинам, называли Геной и Чебурашкой.

Ирина Петровна под влиянием Геннадия Васильевича поступила на заочное отделение исторического факультета. А пока что на занятиях по музыке маленького росточка преподавательница растягивала мехи огромного баяна и пела звонкие песни. Судя по всему, преданный взгляд, задорный настрой и булочка к чаю – действенная формула очаровы-

вания. И в отношении Геннадия Васильевича это работало гораздо лучше, чем знакомый всем подозрительный прищур и испепеляющий взгляд Юркиной мамы, жаждущей цветочной эс тетики.

А потом Юркин отец избрался в горсовет, стал там председателем и из школы ушел. Появлялся у нас как важный гость только пару раз: на выпускном и на прошлогоднем «Осеннем балу», который проводила Ирина Петровна. Наша русичка Жанна Ивановна ехидничала, что теперь Геннадий Васильевич приходил к нам, как лев в свой прайд², пометить территорию и снова гордо уйти. Отныне мы его видели лишь на страницах местной газеты «Сальская степь». Одевался он теперь совсем иначе – новые костюмы, пестрые галстуки, да и очки стали позолоченными. С бывшими коллегами по школе он вел себя несколько снисходительно, но дружелюбно, как с очень дальними родственниками.

После избрания Геннадия Васильевича его по-дружка Ирина Петровна сникла. А хулиганы подливали масла в огонь – заглядывали в кабинет музыки через окно и кричали: «Ну что, Чебурашка, грустишь по своему Гене?» Лишь изредка к школьному забору подъезжала горсоветовская «Волга», а кудрявая и намакияженная для пущей красоты Ирина Петровна, озираясь, стремительно выскакивала из школьного здания и мчалась за угол, к месту парковки. Оттуда черная «Волга» уносила ее в предполагаемом всеми направлении.

² Прайд – семейная стая львов (англ.).

Окна нашего кабинета русского языка и литературы как раз смотрели на маршрут Ирины Петровны, а само ее то-ропливое перемещение в околошкольном пространстве не ускользало от внимания Жанны Ивановны. Она всякий раз расстраивалась, вздыхала и произносила какие-то короткие слова одними губами, без звука. Анализируя происходившее на ее глазах, русичка, видно, хотела найти причину собственного личного патологического неблагоустройства, выражавшегося в отсутствии внимания со стороны интересных представителей мужского пола. Поползновения руководителя авиамodelьного кружка и трудовика по совместительству, Петра Николаевича, постоянно зажевывающего стойкий перегар семенами тмина, в расчет Жанной Ивановной не брались. Кандидат он немолодой, на роль романтического героя не подходил и тем более был женат.

Новым историком у нас стал выпускник института Василий Иванович. Он очки не носил по каким-то принципиальным соображениям, но, так как видел плоховато, постоянно щурился и был похож то ли на энкавэдэшника³, разглядывающего контру⁴, то ли на крота, подсчитывавшего, во сколько же ему обойдется содержание Дюймовочки. Ириной Петровной и ее обучением на истфаке он не интересовался, да и сам не являлся объектом обожания в силу неловкости и задум-

³ Энкавэдэшник – работник НКВД – Народного комиссариата внутренних дел СССР. Эта организация занималась борьбой с преступностью в 1934–1946 гг.

⁴ Контра – контрреволюционер, здесь: враг.

чивости. Новый историк всегда был погружен в собственные мысли, отчего рассеянно ходил по коридорам, натыкаясь на углы и учеников. Школьная кличка для него нашлась сразу же – Осёл Иванович. Если быстро произносить его имя, то так и получалось. Даже малышня, пробегая, кричала: «Здравствуйте, Осёл Иванович!» На это приветствие историк просыпался от своих дум и радостно кивал. А нам повезло вдвойне – Осёл Иванович был нашим классным руководителем.

Юрку избрали председателем совета пионерской дружины в одно время с отцовскими выборами. Все помнят, как на овощном павильоне, славящемся фирменным запахом пре-ли и кислятины, появился огромный транспарант с красно-армейцем – «А ты голосуешь за Никифорова?». Палец на плакате четко указывал на желтую пивную бочку, стоявшую прямо напротив овощного, через дорогу. Временами в такой же бочке привозили квас, но в последнее время все реже. Потому что для него сахар нужен, а его просто так не найти – весь на самогонку скупили, так бабушка говорила.

Жизнь становилась все свободнее, так что каждый выбирал путь личностного развития и напитки для себя сам. Мы из-за вечного отсутствия кваса огорчались. Но позиция завсегдатаев, стоявших у бочки и потягивавших хмельную горьковатую жижу из пузатых стеклянных кружек, была иной. А еще, по мнению этих мужиков, стиральный порошок, тоже пропавший из магазинов, закончился потому, что весь пошел на изготовление пивной пены. Короче говоря, из-

за несчастных алкашей теперь ни кваса нет, ни порошка, ни пирожков с ливером по четыре копейки. Их они в «девятке» разбирали к тому моменту, когда мы из школы возвращались, и магазин встречал нас пустыми прилавками.

Юрка тем текстом на плакате с красноармейцем очень гордился. А когда проходил мимо с кем-то из школы, многозначительно показывал на изображение, всем видом давая понять – агитационная надпись не только про отца его, но и про него самого – про Юрку. Видал, дескать, что надо делать? За меня быть! Его и избрали председателем совета дружины. А как не избрать, если на совете и Крокодил сидел, и Чебурашка? Но поруководил Юрка пионерией недолго и оказался «недостойн». Лариса так мне и не рассказала, каким образом это произошло.

– В общем, Дима, есть предложение возглавить пионерскую организацию тебе. Я переговорила почти со всеми ребятами из совета дружины, и они сами выдвинули твою кандидатуру. Время сейчас непростое, но ты справишься. А мы тебе поможем.

От слов Ларисы у меня забилося сердце. Предложение было, конечно, головокружительным. Помню, как нас – отличников – выбрали для торжественного принятия в пионеры на главной площади города перед серым памятником Ленину. Стояла апрельская теплынь. Нас в белых рубашках и школьных курточках расставили в шахматном порядке, а каменный Ильич все еще мерз в своем пальто и костюме, грея ру-

ки в карманах. От нашей школы на городское мероприятие выдвинули человек пять. А всех, кто не попал в число отобранных, принимали в организацию на линейке в школьном актовом зале на втором этаже за день до события. И когда в класс ввалились новоявленные пионеры, красующиеся алыми галстуками, стало до слез обидно: их уже приняли, а меня еще нет. Тогда я отвернулся к фортепиано в углу класса и тайком вытирал слезы своей, все еще октябрьской, обиды.

Но через день от огорчений не осталось и следа, — я увидел настоящий праздник. На солнечной площади — множество флагов, горны, барабаны. После торжественных речей ко мне подошел пожилой ветеран с медалями и дрожащими руками завязал на два простых узла, как полиэтиленовый пакет с покупками, *мой* галстук на воротнике. Исправлять то, что накрутил ветеран, я посчитал неправильным. Он ведь своими руками нашу землю защищал от фашистов, рисковал жизнью, страну спасал. А я буду за ним переделывать, перевязывать? Так и ходил с узлами весь день гордый и счастливый.

Я смотрел на Ларису и не понимал, за какие заслуги мне выпала такая честь... Я что-то промычал в ответ вожатой и, шокированный происходящим, на ватных ногах поплелся домой.

Весь оставшийся день размышлял. От осознания, что это все правда, а не выдумки, у меня тянуло под ребрами. Поддержат ли меня ребята? Как отнесутся дома и в школе? Мне

всегда казалось, что руководителем должен быть только тот, кто достоин, кто является примером. А я разве являюсь безупречным и образцовым? Ну учусь хорошо. Активно участвую в жизни школы. Ничего героического. Но после все же решил: если уж мне выпадает такая честь, если доверят, то буду стараться никого не подвести и соответствовать.

Вечером на своем диване-кроватьи долго не мог уснуть. В деревне мы обычно сидели за полночь, и я привык ложиться поздно. Но родителям завтра на работу, и они не приветствовали мой полуночный режим. Да и чего одному-то в квартире сидеть? Ладно бы по телевизору что-то хорошее показывали, но это редко бывает. Я размышлял о свалившемся на меня предложении. А еще, конечно, о Наташе и Витьке, обо всей истории, случившейся летом. Мысленно разговаривал с ними, ругал себя за недостаток смелости реализовать свой план и признаться. Мне было стыдно за ту дурацкую выходку, когда я рассказал о Витькиных чувствах, а не о своих. Поговорить нам еще раз не удалось, и уехал с разбитым сердцем.

Я решил написать Наташе письмо и попытаться объяснить ситуацию. Да и Витьке тоже. Письмо – не разговор. В нем можно подумать над словами и найти нужные, не стесняться. Я подбирал необходимые фразы своего будущего письма, пока не провалился в сон.

Обычное утро необычного дня

19 августа 1991 года

Солнечные лучи настойчиво пробивались сквозь белые тюлевые занавески, качавшиеся от легкого ветра. Из открытого окошка с улицы доносился шум какой-то детской возни.

У нас было правилом хорошего тона поставить колонки магнитофона в открытое нараспашку окно, врубить громкость на полную катушку, чтоб соседи наслаждались и пилились красотой современной музыки, искусно подобранной тобой. Не всем такое культурное просвещение нравилось. Например, мамы с малолетними детьми точно были не в восторге. Да и бабка Зинка с первого этажа, хотя с ней все давно понятно.

Из окон Полинки Синюковой гроыхала популярная песня «Это Сальск-Франциско – город в стиле диско! Это Сальск-Франциско – тысячи огней!». Не могу не сказать, что авторы некоторым образом преувеличили реальность. Никаких тысяч огней у нас не зажигали. Темень по вечерам стояла несусветная. Однако следующая строчка песни насчет «города, полного риска» являлась четким попаданием – по ушам схлопотать в нашем Сальск-Франциско можно было легко и непринужденно. Жить в рисковом месте казалось почему-то круто, – может, поэтому у нас уличное освещение и отсутствовало – чтоб моднее казаться. Песня нравилась даже тем, кто регулярно фонари носил под глазами, правда ими улицу не осветишь. А может, эти «фонарщики» просто не задумывались. И пусть в оригинале звучало немного по-другому⁵, но наши иначе просто не воспринимали – непатриотично! Песня стала неформальным местным гимном. Сейчас ее позабыли, но в памяти все-таки сохранилось обновленное название города – Сальск-Франциско. В нем я родился и вырос. В этом смысле я, Димка Бобриков, – гражданин из Сальск-Франциско⁶.

Жили мы в пятиэтажках у машиностроительного завода, где пахали, ну в смысле работали, мои родители. Край у нас

⁵ Песня «Сан-Франциско» группы «Кар-Мэн» впервые прозвучала в 1991 г. Город Сальск – родина автора – располагается на юго-востоке Ростовской области.

⁶ Автор проводит параллель с рассказом И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско».

сельский, поэтому народу так понятнее и ближе. Хотя как там пахать в мазутных цехах, пахнущих металлом и стружкой, было неясно. Мне кажется, на машиностроительных заводах скорее не пашут, а горбчатся под тяжестью всего того неподъемного, что они там создают для нужд нашей необъятной Родины.

Наша квартира – на втором этаже. Дом был построен машиностроительным заводом. Детский садик «Тополёк», который напротив, тоже, и даже березовую рощу посадили работники предприятия. Да и жили вокруг нас они же – машиностроители. Это, кстати, не значит, что на заводе делали машины – ну «Волги», например, или «москвичи». Нет, там делали станки для каких-то других заводов, судя по всему тоже машиностроительных. А вот те – настоящие машиностроительные заводы – и делали машины, на которых люди ездят. Наш же машиностроительный для людей ничего не производил, только для заводов.

Мы считали себя городскими, хотя Сальск-Франциско не на каждой карте обозначался. А когда был, то все, кого я знал, подходили к ней и обязательно пальцем тыкали в надпись. Из-за этого на всех картах вскорости вместо гордого имени города появлялось темное пятно, а то и дырка. Она и означала место нашего жительства на земном шаре.

На настенных часах минутная стрелка начала очередной круг после одиннадцати. Родители уже давно вкалывали на работе. На кухонном столе лежала записка: «Дима, бутер-

броды в холодильнике. Поешь. Мама». В эмалированной кастрюле, опущенной в заполненную водой раковину, остывал все еще теплый компот. Я открыл дверцу новенького двухкамерного холодильника «Орск», доставшегося нам чудом, как говорила мама. Внутри стояла тарелка с бутербродами. На аккуратных ломтиках хлеба лежали колбасные кругляши докторской. Эту еще можно есть – она без жира, не нужно ничего выковыривать, да и вполне вкусная.

А вот Толик Деревянченко – человек простой и поклонник всякой, даже любительской. Наверное, поэтому и круглый, как колбасный батон зельц. Как ни встретишь его, он вечно голодный: «У тебя есть что похавать⁷?» И такие глаза жалостливые. Как идет со школы – так вечно в «Кулинарию» заглядывает. И без «картошки», трубочки с белковым кремом или песочного с помадкой (мы его называли «гололед», потому что сверху блестело) не выходил. Идет домой и пирожное трескает. А еще я думаю о том, что Толику повезло жить в нашей стране, где только по праздникам колбасу можно найти в свободной торговле. Если бы у нас ее не по талонам продавали, то его могло на части разорвать от ожирения. Потому что он меры не знал и жрал как слепая лошадь – все подряд. А уж колбасу и подавно. Стоит только получить по талонам – и нет ее: Толик замет ал.

Я налил себе большую кружку компота и решил заняться делами. Есть на кухне было скучно. В комнате открыл створ-

⁷ Похавать – поест (жарг.).

ку раскладного полированного стола, отражавшего весь наш быт и обитателей квартиры шоколадными тонами. Сверху на четырех пластиковых лапах стоял круглый аквариум с расплывающимися на изгибах стенок гурами, меченосцами и сомиком. Я вытащил с нижней полки общую тетрадь минувшего учебного года по геометрии, неисписанную и до середины, и вырвал оттуда двойной клетчатый листок. Прошло всего несколько дней, как мы не виделись, но уже столько хотелось рассказать.

«Здравствуй, дорогая Наташа!» появилось сверху листа. Я посмотрел на свое обращение и посчитал слово «здравствуй» слишком официальным, а «дорогая» пока неуместным.

Зачеркнул написанное, вырвал еще один двойной листок и откусил бутерброд. «Привет, Наташа!» – старательно выводил я на нем, но на последних двух буквах «ша» предательски закончилась паста в шариковой ручке. «Ната» получалось темно-синей, а «ша» – бело-голубой. Я открыл скрипучий секретер в мебельной стенке, где уже аккуратно лежали купленные запасы к началу учебного года. Там же ждали своего часа связанные черной резинкой новенькие стержни для шариковой ручки.

На новом листке появилось:

«Привет, Наташа!»

Решил написать тебе письмо. Жаль, каникулы заканчиваются и пришлось уехать из деревни».

Мне хотелось написать о своих чувствах, о том, как скучаю по нашим встречам, по ее задорному смеху, ироничному взгляду, но решил воздержаться.

«Скоро в школу. Я уже ходил туда к нашей вожатой. Мы с ней в пришкольном лагере «Спутник» работали до того, как я в деревню приехал. Она мне предложила возглавить пионерскую дружину школы. И я думаю, как теперь этим заниматься».

В голове крутилась мысль, что письмо без объяснения летней ситуации станет слишком сухим и не по делу. Если уж писать, то объясняться. Но, как выяснилось, на бумаге изложить эмоции тоже непросто.

«Ты не обижайся на меня и на Витьку. Мы на самом деле обои хорошо к тебе относимся и не хотели ничего такого».

Какие-то обои получились. Обои на стенах висят! Как мне такая ерунда в голову-то пришла? Придется переписывать, наверное, заново. Но о чем еще написать?

Отхлебнул из кружки кисло-сладкий компот из яблок и алычи. «Как и моя жизнь...» – решил я. И чувства к Наташе такие же. Мне нравилась моя влюбленность, но из-за необходимости признаваться я ощущал некоторую неловкость. В аквариуме гурами поднялся к поверхности воды сделать глоток воздуха. А смогу ли я вот так долго любить без взаимности? «Сколько отведено времени безответной любви?» – спрашивал я себя, но втайне надеялся, что мое чувство имеет шанс на взаимность. А если нет? Мне теперь придется ждать или искать эту редкость, счастливую случайность, когда отвечают теми же чувствами? И как быть с Витькой? Он ведь тоже ждет от Наташи взаимности, как и я! Надо ли опять возвращаться на старый круг и снова мучить себя признаниями? Гурами разглядывал меня сквозь закругленное стекло, а потом снова поплыл к поверхности. Ответов

на вопросы у меня не было, и письмо не шло. И все из-за дурацкого признания. Ну неужели Наташе и так не ясно, без слов, что она мне не безразлична? Разве можно одинаково смотреть на того, кто тебе нравится, и просто знакомого? Можно ли одинаково относиться к словам, просьбам, пожеланиям? Нет, конечно! Неужели о любви, симпатии надо говорить прямым текстом? Нет! А раз так, то Наташа должна догадаться обо всем сама!

Размышления поставили меня в тупик, я решил сделать перерыв и включить телевизор. В программе передач на понедельник ничего хорошего не обещали. К счастью, закончилось «Футбольное обозрение» – совершенно бессмысленная передача, как и игра. Я ее называю «Футбольное обозрение». Вместо нее можно было что-то и более полезное показать, чем то, как мужики по полю за мячом гоняются. Мне кажется, на нашем городском рынке покупатели гораздо осмысленнее мечутся в поисках дефицитных продуктов, чем футболисты. Смотрим далее – «Ирландские притчи и сказки». Меня это тоже не интересовало. А вот в 12.30 началась программа «Новое поколение выбирает». Ну это куда ни шло. На огромном «Рекорде» я нажал кнопку. Телеящик тихо загудел, а его выпуклый экран засветился. Это у Юрки дома телевизор с пультом дистанционного управления, а в нашей семье телевизор самый обычный, без него. В качестве пульта использовали меня. Чтобы переключить канал, нужно просто произнести: «Дима, нажми, пожалуйста, вто-

рую кнопку». Как мне повезло: у нас каналов всего два и не надо по триста раз бегать по маршруту «диван – телевизор – диван».

Показывали какой-то балет. Вряд ли его можно было назвать выбором нового поколения. На экране мужик в белом трико бегал на носочках по сцене, а рядом плясали худые балерины в коротких юбках, сшитых из материала, похожего на наши занавески. Я прикинул, что если такую юбку надеть на бабушку Зинку или на мою соседку по парте Дашку – вот это будет умора. Нет, в белых трико ходить одна стыдоба и позор. Я бы такое никогда не надел.

Судя по комплекции балерин, в Москве с едой совсем туго. У нас во дворе таких худых и не найти. Хотя по телевизору все время голодом угрожали. А мне кажется, некоторым нашим со двора можно было бы и похудеть, и есть пореже. Тогда, может, и колбасы с сыром на всех хватало бы, а не как сейчас.

От тоски я решил спуститься к почтовому ящику в надежде на получение свеженького номера «Юного натуралиста», но в ящике лежали лишь пахнущие краской «Сальская степь» и «Пионерская правда». В местной газете на первой странице напечатали сводку удоев по колхозам и совхозам за прошлый месяц. К моему удовлетворению, самыми производительными оказались буренки колхоза, где живут мои бабушка с дедушкой. И статистическая информация меня обрадовала. А после того как полистал «Пионерку», мне при-

шла идея написать план работы или программу нашей пионерской организации школы, чтобы было о чем на собрании говорить. Увлечшись идеей, я взял новенькую тетрадку из стопки к учебному году, и на обложке появилось:

ПРОГРАММА РАБОТЫ
ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
САЛЬСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 5

Я начал размышлять над ее содержанием. Затем на первой странице написал:

«Добрые дела (помощь ветеранам и старикам, сбор металлолома и макулатуры).

Работа с отстающими, хулиганами, двоечниками.

Помощь учителям и школе.

Проведение собраний, мероприятий».

После добавил еще один пункт. Он мне показался самым интересным:

«Создание пришкольного приусадебного хозяйства (разведение кроликов, пчел)».

Я планировал дописать сюда еще и выращивание овощей, но мне летней картошки хватило с головой. Еще в школе заниматься! А идея с пчелами меня давно захватила, еще когда я повесть Николая Носова читал «Дневник Коли Синицына». Раз сахара у нас в стране нет, то будем в школе мед делать, хоть сахар и вкуснее! А вот насчет кроликов мысль была моей. Но мы их будем разводить не для столовой, а для

красоты. Потому что кроликов жалко. Но не только! У нас каждый бы смог после какого-нибудь «тройбана» или еще хуже – «двойка» зайти в школьный крольчатник, взять в руки пушистого ушастика. И уже не так грустно! А на мясо их не надо, не по-пионерски такое. Вот, и идея годная родилась – психологическая реабилитация школьников при помощи кролик ов.

Пока я размышлял над следующим пунктом программы, услышал знакомый перезвон и глухой стук. Кто-то раз шесть нажал кнопку дверного звонка у нашей двери, обитой по общей моде дерматином с золочеными гвоздиками, и, неудовлетворенный молчанием, решил стучать. Так мог сделать только Ярик Корнев. Его кавалерийский стиль был легко-узнаваемым. Мы с ним дружили, или, как тогда говорили, корешились⁸.

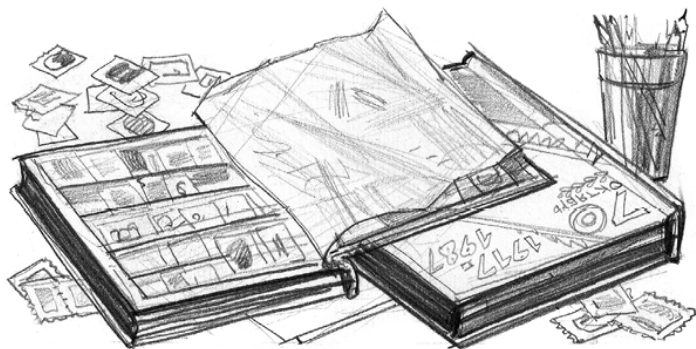
Ярик жил через стенку от нас, но в другом подъезде. Только появившись в дверном проеме, он заорал, выпучив глаза: – Включай телевизор! Горбачёва⁹ свергли! И теперь у нас все иначе будет!

⁸ Корешились – от «кóреш» – друг, приятель, товарищ.

⁹ Горбачёв Михайл Сергеевич (1931–2022) – политический деятель, первый и последний президент СССР.

Коллекционер Ярик

Мы с Яриком на двоих собирали коллекцию почтовых марок. Ими увлекались почти все. У нас было два одинаковых альбома с красовавшейся на обложке надписью «Октябрь. 1917–1987». Внутри мы написали: «Коллекция Д. Бобрикова и Я. Корнева». Марки подразделялись на категории. Самыми престижными казались «звери и птицы», затем «машинки, техника, космос», потом «цветочки», следом «художества», еще были с советской символикой, ну и спортивные. Ненужными и малоценными считались так называемые «головки» – изображения разных деятелей культуры или еще каких-то сфер. Умники еще обращали внимание на наличие печати: гашеные были хуже тех, «которые можно отправить

по почте». Но дурачков из последней категории я в жизни не встречал. Кто ж хорошую на конверт наклеит? Для этого простые на почте есть, людям ненужные!

Серии и блоки ценились гораздо выше, чем отдельные марки. Имело значение и то, где она изготовлена. Самыми простыми считались советские, венгерские MAGYAR POSTA, болгарские, монгольские, вьетнамские, кубинские, кампучийские. Редкими и ценными были марки из капиталистических стран. Их у нас не продавали, и можно было только выменять по большому счастью. Одну американскую «головку» можно приобрести за небольшую советскую серию «птиц». Можно потом ходить и показывать: а у меня «головка» американская есть. Кому она принадлежала, какому человеку, мы, как правило, не знали. Да и не важно это было. Запрещенное, чужое – оно всегда интереснее. За границей лучше, чем у нас, – так все считали, да и по телевизору рассказывали. Даже мама мне говорила: «Сегодня у меня ответственный день – на заводе будут делать несколько станков на экспорт в капиталистические страны». Я спрашивал у нее: «А разве для наших не так ответственно?» На что мама смотрела на меня с укоризной и качала головой.

Так и с музыкой. О чем пели зарубежные группы, мы тоже не знали, но все равно слушать Майкла Джексона, «Металлику» или Элиса Купера вместо наших казалось крутым. Я слушал, но предпочитал творчество отечественного Алексея Глызина. Он хоть на Майкла Джексона совсем непохож, но

пел очень проникновенно. Про любовь. Почти как у меня к Наташе, даже слова подходили. Глызин тоже пытался выйти на мировой уровень. На его добытой с боем пластинке сначала написали на английском Winter Garden, а уж только потом на русском – «Зимний сад». Так, видимо, для того сделано, чтобы в случае попадания американца в наш сельский магазин «Спорттовары», где продавались пластинки, он мог с легкостью сориентироваться и купить то, что надо. И не спутать настоящего Глызина с каким-нибудь Дитером Боленом.

Но вернемся к маркам. Распределили мы их с Яриком между собой по интересам. Общее марочное богатство казалось весомее. Да и на двоих собирать было проще. Продавались марки часто наборами, куда засовывали всё подряд по тематике. А так у меня лежали «звери и птицы», «цветочки». У Ярика – «машинки, техника и космос». Затем мне достались марки с советской символикой. Ему – совершенно мне неинтересные про спорт. Мне повезло, что Ярик увлекался нелепой и пустой игрой – футболом. И поэтому все бестолковые спортивные марки я передавал ему на хранение в обмен на более приличные. Это была очень хорошая сделка, и я считал ее своей большой победой. А Ярик, наоборот, так радовался: «крутой» спорт смог на советское выторговать. А по мне, лучше на красные флаги смотреть, чем на кубки какие-то. «Художества» мы разделили пополам, как и не нужные никому малоценные «головки».

А потом нашему коллекционированию пришел конец. И все из-за появления несчастных жвачек со вкладышами. В один миг все забросили марки и нырнули в новую пучину собирательства. Сначала появились коллекционеры вкладышей от «Дональда» с комиксами из мультфильма. Потом от «Типи-Типов» со смешными историями про носатого мужичка. А потом еще страшнее: «Турбо» с автомобилями. Ярик, как страстный любитель футбола, не смог устоять и бросился убеждать родителей выдавать ему карманные деньги на приобретение жвачек, потому что он «собирает коллекцию» вкладышей от «Финалов» с игроками. Надо признаться, у него попрошайничество получалось гораздо лучше, чем у меня. Мне жвачки покупали редко, чаще я экономил на булках. Или сдачу «забывал» отдать. После покупки очередного «Финала», а чаще двух-трех Ярик их разворачивал дрожащими руками, вытаскивал вкладыши с клубнично-банановым ароматом и что-то восклицал.

«Бли-и-ин. Опять Марадона попался. У меня уже есть такой», – разочарованно.

«Смотри! Командная попалась!» – если на вкладыше было изображение чьей-то футбольной сборной.

«Гуллит! Ван Бастен!¹⁰ Ура!»

Жвачки не имели такой ценности, как вкладыши, поэтому, распакованные, они заворачивались снова в обертку и складывались в карман до приобретения характерного серо-

¹⁰ Известные футболисты 1980—1990-х гг.

го оттенка от карманного мусора. Или еще хуже, когда жвачки в кармане склеивались намертво. Вообще, из-за них прилетало много проблем. Часто школьными штанами садились или влезали коленом в приклеенную к крышке парты снизу жвачку. От этого помогало только одно – положить штаны в морозилку и отчищать уже застывшую. Ну с жеваной не так обидно, а новую холодить жалко. Учителя ругались из-за них, особенно Валентина Сергеевна, биологичка. А когда кто-то выдувал пузыри на уроках – и схлопотать можно было. Валентина Сергеевна за такое с урока выгоняла и вслед обзывала «жвачным животным». Ну она-то с такими хорошо знакома – корову дома держала, чтобы кормить своих пятерых детей.

Мы с Яриком включили телевизор, но там продолжал танцевать мужик в белом трико. Никакого свергнутого Горбачёва не показывали. Было скучно.

– Сейчас должны передавать последние известия, – заговорщически тихим голосом вещал Ярик.

Его глаза бегали по комнате. Рассматривать там особо нечего. Всё как у всех: полированная мебельная стенка, книжки, несколько хрустальных ваз и такая же люстра. На полу ковер с махорчиками, будь они неладны. Родители все время заставляли их расправлять, после того как я их сминал. А что делать, если иду и рассуждаю о чем-то, например о кроликах? Не о махорчиках же! Аквариум у Ярика был точ-

но такой же, только с гуппарями. Нескольких, самых крупных, он выловил прошлой осенью в уличном фонтане у машиностроительного завода. Какой-то умник их туда весной посадил, они расплодились и вымахали как динозавры. Ярик гордился, что смог их поймать и спасти от морозов, хотя с моими рыбами уличных гуппарей и сравнивать нелзя.

Он походил по квартире, увидел на полке альбом с марками и говорит:

– А у меня теперь полная коллекция «Финалов» есть! Собрал, пока тебя не было.

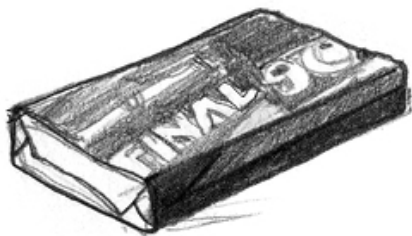
Ярик стал вытаскивать из нагрудного кармана рубашки сверток. Я ко всем футболистам относился равнодушно и по-смастривал на Ярика как на человека, одержимого болезненной, нездоровой зависимостью. Ну ладно там вкладыши от «Турбо» собирать! Там хоть машинки. Но «Финалы» – это просто днище. Перед моими глазами мелькали футболисты в различной форме. Их имена я знал преимущественно со слов Ярика. Владелец коллекции с горящими глазами перебирал фантики.

– Вот гляди. Все сборные здесь. И все футболисты. Семьдесят штук!

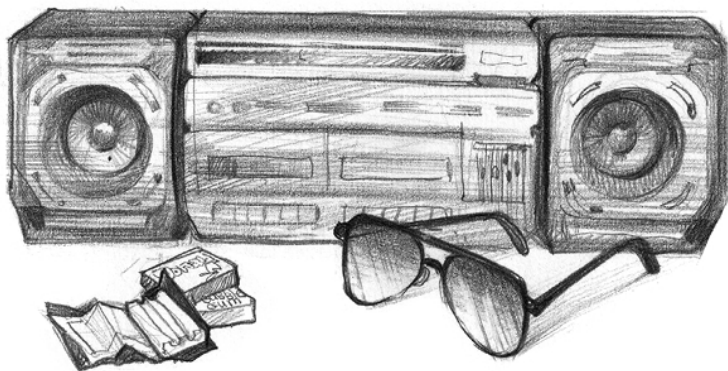
– Сколько же нужно было жвачек купить? – решил я уточнить.

– Часть я собрал, другую выиграл в «перевертыши». – Ярик замялся и почему-то покраснел. – А остальные выменял – двадцать пять штук самых ценных. У Кефир а.

И покраснел еще сильнее. А я вспомнил, как год назад мы Юрку с его жвачками проучили.

Жевательная резинка

Кефир после своего и отцовского избрания изменился. Геннадий Васильевич несколько раз ездил за границу, да и в Москве бывал частенько, привозил оттуда всякое такое, чего у нас не было. Наши-то родители ходили в обычные магазины, советские, а он даже в зарубежных супермаркетах покупал! Поэтому Юрка вместо штанов, блестящих на заднице и на коленях, стал появляться в школе всем на зависть в новых джинсах. На улицу он выходил в каких-то цветастых, невиданных нами футболках с иностранными надписями: Lee, Levi's. Но самой крутой у него была черная с надписью Metallica. Еще ему купили солнцезащитные очки, как у Брюса Ли. А дома у предков появился видеоплеер JVC и двухкассетник Gold Star. На магнитофоне с хромированными

ми ручками и прыгающим разноцветным эквалайзером было классно переписывать записи с кассеты на кассету, но Кефир нам не позволял – жмотился, а сваливал на мать. Буровил нам ерунду, что «магнитофон ломается» из-за наших русских кассет, а надо иметь другие – импортные и всякое такое. Мы с ним и так не особо дружили, а теперь и подавно.

Прошлым летом подошел он как-то в своих джинсах и новых кроссовках к нам троим во дворе – ко мне, Ярику и Вовчику Кобылкину, мы как раз в карты играли. Делать-то летом особо нечего: с утра ящериц на котловане ловили, потом абрикосы у бабки Зинки под окном – зеленые, правда, еще были – обнесли. Подходит Юрка, жвачку жует.

– Смотрите, что я вам покажу, – говорит.

Высовывает язык, растягивает на нем жвачку, напрягает щеки и выдувает большой розовый пузырь. Через несколько секунд он лопается и повисает у него на носу.

– Видали?! – довольно произнес Кефир. – «Дональд»! Мне батя из Венгрии привез вчера, целую пачку! А внутри вкладыши с комиксами.

Тогда мы этих «Дональдов» еще и не видели. У Ярика загорелись глаза, да и нам, встречавшим в жизни два сорта жвачки в пластинках «Апельсиновая» или «Мятная», но без комиксов и вкладышей, да и то по большому счастью, конечно, захотелось. А еще из наших пузыри не получалось выдувать!

– Дашь нам попробовать? – жалобно попросил Ярик.

Юрка сделал несколько жевательных движений, напряг лоб.

– Могу вот эту дать, ту, что во рту! – Он двумя пальцами схватил край розовой резинки и растянул её на полметра. – Но не сейчас, а попозже. Она еще сладкая. Но вы потом сможете в сахар обмакнуть и жевать!

Глаза Ярика согласны были и на предложенный унизительный вариант, но Вовчик резко и решительно повысил ставки:

– Не-е-е-е, так с друзьями пацаны разве поступают? А еще пионерский вождь. Жмот ты! Ты нам новые неси. С вкладышами.

– Новые не могу. Мне родители не разрешают. – Юрка поморщился. – Могу только поменять на что-нибудь.

– Давай жвачки на «зеленку» махнем?

Ярик вытащил из кармана коробок и приоткрыл его. Оттуда выглянула острая мордочка ярко-зеленой ящерицы.

– Не-е-е-е, зачем мне она? Давай жвачку на сомика твоего! – ляпнул Кефир и вопросительно посмотрел на меня.

– Ты чо, с ума сошел? – Я криво ухмыльнулся.

Но жвачку хотелось. А сомика было жалко.

Я его на рынке осенью купил. Там целый угол с попугаями, канарейками, собаками, кошками. Но меня интересовали два аквариумных ряда. Каких там только рыб не продавали! На прилавках стояли узенькие аквариумы, разделенные на отсеки, как в ящике для ложек и вилок в кухонном шкафу.

И в малюсеньких пространствах копошились красные, черные, зеленые меченосцы, разноцветные гуппари, пучеглазые телескопы, неуклюжие вуалехвосты. Но мне понравился сомик. Он был небольшой, сантиметра три в длину, и крапчатый.

Продавцы, чтобы рыбы не замерзли, вниз под аквариумы подставляли горящие свечи, а затем приподнимали их или опускали, наблюдая за термометрами, опущенными в воду. Мне стало жалко сомика, обитающего внизу. Ему, наверное, горячо сидеть на нагревающемся свечкой дне. И это меня подтолкнуло к решительным действиям. Сомик стоил восемьдесят копеек. И я без сожаления отдал металлический рубль с Лениным на боку, выданный мне дедом в честь начала учебного года. Достал поллитровую стеклянную банку, куда усатый продавец налил через трубочку воды и посадил сомика.

– Только за пазухой банку носи. Иначе заморозишь! Не май месяц на дворе.

Я засунул банку под куртку, в район сердца, и шел медленно, стараясь не плескаться водой. А дома выпустил сомика к двум моим гурами, принявшим нового жильца за своего. И теперь я должен его за жвачку отдать?

– Ладно! – говорит Юрка. – Давайте на вашу ящерицу, но только одну жвачку принесу. И вы меня еще по очереди прокатите на спине по двору!

Мы переглянулись. Соблазн искушал и манил. Договори-

лись так: Ярик – самый щуплый из нас – отдает ящерицу, а мы по очереди Кефира по двору на спине катаем.

Вовчик подошел, чуть нагнулся, а Юрка забрался на лавочку, потом ему на спину и, как жокей, пнул ногой.

– Поехали! – закричал Кефир, сидя верхом. – Давай пошевеливайся, кобыла!

На лице Вовчика промелькнула заметная тень. Раскрасневшийся, он поддерживал джинсовые ноги своего наездника, кряхтел и быстро семенял вокруг спортивной площадки.

– Давай не срезай! Вези вокруг, по-честному! – орал во все горло жующий Юрка. Его опьянило ощущение власти над нами. – А если через ту лужу пронесешь за домом, две вынесу!

– Слыхали, пацаны? – кряхтел Вовчик. – Он две принесет! Тогда одна мне, а вторая вам напополам!

Мы махнули головами в знак согласия, вскочили с лавочки и побежали к Вовчику и Кефиру, скакавшим к огромной луже, образовавшейся еще весной, когда прорвало трубу с горячей водой. Мы так радовались тому ватному пару, идущему от испорченного водопровода! А потом там в теплой прозрачной воде с зеленоватым илом и пузырьками на дне завелась уйма головастика. Их дурачок Толик Деревянченко с третьего подъезда принял за аквариумных рыбок: наловил и выпустил дома к отцовским барбусам. После чего ему для профилактики неделю на улицу не разрешали выходить.

Вовчик, не останавливаясь и не скидывая свои резиновые

шлепки, залез в лужу и тяжело пошагал к середине. Вода доходила ему до колен и шорт, а ноги увязали в илистой жиже. Кефир верхом держался за шею, как большая обезьяна.

– Ну, гад! – закричал запыхавшийся Вовчик. – Теперь слушай меня! Или давай десять жвачек, или я тебя прям здесь скидываю!

Юрка вцепился в шею Вовчика:

– Не скидывай, пожалуйста! Меня мать убьет! Я в новых кроссовках и джинсах!

– Отдавай жувачки и будешь цел! – заверещал Вовчик и для убедительности решил потрясти всем телом, пытаясь испугать Юрку. – Обещай при пацанах, что отдашь десять! А не отдашь – урою тебя!

Мы заворуженно смотрели на Вовчика, решившего по справедливости наказать угнетателя.

– Да нет у меня десять, только семь осталось!

– Обещай, что отдашь все! – орал Вовчик.

Юрка заскулил и, чуть не плача, завыл:

– Обещаю-обещаю! Только вынеси меня отсюда.

Вовчик донес мешковатое тело Кефира до края лужи, вылез из нее и стряхнул наездника в траву.

– Отдавай кроссовки! Будут залогом! Наколешь еще нас, мы тебя знаем! Сомика он захотел на жувачки променять! Отдашь просто так! Нашелся тут пионер недоделанный!

Юрка стянул оба бело-синих «Адидаса», носки и виновато босиком поковылял к своей двухэтажке.

И вот теперь я смотрел на Ярика и его коллекцию «Фина-

ЛОВ».

– Выиграл, говоришь?

Ярик смутился и покраснел:

– Да не то чтобы выиграл. Скорее, проиграл всё. В «перевтыши». Мы с Юркой играли. Я выигрывал. А потом он предложил «всё на всё» сыграть. Я и согласился. Определили, кто первый бьет по «камень-ножницы-бумага». Он выиграл. Сложил всё стопочкой и как бахнет сверху! Оно пачкой и перевернулось.

– А дальше?

– Что дальше? Я у него свои вкладыши и выменял... – Ярик сделал паузу. – На марки.

– На наши марки?

– Да. Они все равно никому уже не нужны.

– Как не нужны? Мы же их вместе собирали!

– Ну собирали. А теперь «Финалы» собираем! – Ярик виновато смотрел исподлобья. – Да не переживай! Я скоро выиграю еще. И обратно на марки поменяю. Тем более у меня круто теперь получается переворачивать!

Вовчик. Встреча в садике

Чтобы не накалять обстановку из-за несчастных «Финалов», мы с Яриком решили пойти на улицу. Во дворе никакого свержения Горбачёва мы не ощутили. Всё как и прежде. Из окна Полинки громко голосила «Ламбада». Дневная жара разогнала любителей утренних лавочных посиделок. Ну ничего! Вечером высыпаются сюда мгновенно, как мелочь из карманов, – места не найдешь. Хотя и было в нашем дворе целых двенадцать скамеек, по три на каждый подъезд, а на каждой могло разместиться до пяти мягких мест среднесальской величины. Армия лавочек появилась несколько лет назад, когда машиностроительный завод выделил материалы на сооружение детской площадки. Грудю деревянных палок, металлических уголков и прочего добра выгрузили

с тракторного прицепа. Напрасные романтические надежды насчет качелей или еще чего-то были решительно отмечены старшим активом двора, а сторонники детской площадки презрительно объявлены фантазерами. «Реалисты» предложили чудесное решение: строить лавочки – универсальный способ, объединяющий детей и стариков, молодежь и взрослых. На них можно сидеть и разговаривать, например. А для любителей игр в качестве компромисса изготовили два стола. Надо ли говорить о том, что они были тут же оккупированы доминошниками, громко кричавшими «Рыба!» и пугавшими спящих младенцев в колясках, а также их беспокойных мамаш. Каждый вечер лавочки заполнялись тетками, бабульками в цветастых халатах. Для них ежедневно разыгрывалась развлекательная программа с известными актерами, но уникальным сюжетом.

– Вон смотрите, Колька опять пьянящий с работы ползет! Сейчас ему Райка задаст!

– Ты смотри, Полинку какой-то очередной жених на «девятке» привез! А все остальные куды делися? Вот уж «простигосподи», ну дает...

Обсуждалось все: новая мебель, одежда, урожай помидоров и огурцов, детское поведение и успеваемость в школе. Поэтому каждое появление во дворе в вечернее время было сродни попаданию букашки под микроскоп, где большой мигающий глаз дворовой общественности рассматривал тебя во всех деталях. Потом выписывался диагноз. Кстати, не

нуждавшихся в лечении не существовало. «Скамеечная диагностика» всех зачисляла в категорию больных, обычно безнадёжных.

Вообще, жить вместе с теми, с кем ты каждый день трудишься на заводе или учишься в школе, – удовольствие особого рода. Соседей ты не только слышишь за стенкой и встречаешь во дворе. Взрослые шли вместе на завод к одному времени, потом бежали домой в обеденный перерыв, чтобы разогреть на плите тарелку борща и сэкономить на столовке, тем более там невкусно. В школе дружили и ссорились не только с одноклассниками, но и соседями.

Мы жили сообща, одним большим коллективом. Музыку, как я уже говорил, слушали всем двором. Стены в квартирах нашей пятиэтажки были такие тонкие, что порой даже казалось, будто мы с соседями живем в одной квартире. Из окон слышалось: «Саша, домой!» – и в обратную сторону: «Мам, а можно я еще полчаса погуляю?», «А можно я схожу с пацанами на котлован?». Мы прекрасно знали и Сашу, и его маму, и пацанов, собравшихся ловить ящериц.

Промышляли подобными голосовыми переключками не только родители с детьми, но и люди постарше.

«Коля-я-я-н, выходи!» – звали гаражные мужики своего товарища. Робкое возмущение бабки Зинки, насчет того, что орать на весь дом – неправильно, «ведь могут отдыхать старики или спать дети», было как-то намертво погашено выходкой Вовчика. Он подошел к третьему подъезду и заголо-

сил во всю мочь: «Деревянный! Деревянный!» Надо ли говорить о том, что Деревянченко жил на первом этаже и путь к его квартире занимал целых пять ступенек, которые преодолеть, ясное дело, было трудом невероятной сложности. Бабка Зинка понимала – связываться с Вовчиком опасно, резко развернулась вокруг своей старой оси в пол-оборота и прошагала в зев темного подъезда.

– Пойдем со мной, – проговорила она, обращаясь к собственному коту.

Во дворе мы сидели, только когда там не было взрослых. А вообще предпочитали занимать отдаленные беседки детского садика «Тополёк», куда малышня не водили. Детсад размещался рядом с нашим двором. Его нежно называли в честь деревьев, которые, помимо того что быстро росли в нашей южной степи и давали спасительную тень, еще и предоставляли облака пуха. Мы их поджигали с огромным азартом. Чирк спичкой! И огненная волна побежала по траве, оставляя лишь маленькие, едва заметные семена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.